

СУВЕРЕННАЯ демократия

ОТ ИДЕИ К ДОКТРИНЕ

Сборник Суверенная демократия: от идеи к доктрине. Сборник статей

Текст предоставлен издательством «Европа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165983

Суверенная демократия: от идеи к доктрине.: Европа; Москва; 2005

ISBN 5-9739-0088-6

Аннотация

«Сначала было Слово...» Обычно долгий путь от публичных размышлений автора идеи Владислава Суркова до целостной концепции, от идеи к доктрине суверенная демократия прошла всего за несколько месяцев. За это время в орбиту ее влияния оказалось вовлечено большинство политического класса и экспертного сообщества. В качестве новой идентичности российской элиты ее признал Запад. Сегодня суверенная демократия – основа программы «Единой России» и основание идеологии российского консерватизма. Как все это происходило? Что такое суверенная демократия? Как и откуда возник этот термин? Что он значит для России, для ее настоящего и будущего? Почему «Единая Россия» сделала его основой своей программы? На эти и другие вопросы о суверенной демократии

в нашем сборнике отвечают российские политологи, которые непосредственно участвовали в создании этой доктрины.

Содержание

Дмитрий Орлов[1]

5

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Суверенная демократия: от идеи к доктрине (сборник статей)

Дмитрий Орлов¹
Политическая доктрина
суверенной демократии

Суверенная демократия – уже не просто эффективная политическая концепция. Она превратилась в действующую **доктрину**, которая реально консолидирует правящую элиту и правящую партию. Она признана на Западе. Она – «живая». Возникающие вокруг нее дискуссии свидетельствуют о ее популярности и о том, что российский правящий класс – не закосневшая сословная группа, а динамичная элитная коалиция. А это – гарантия продолжения демократического развития страны. Традиционный потенциал «подлинной демократии» и «государственного суверенитета» несопоставимы с тем интеллектуальным и коммуникативным зарядом, который несет в себе суверенная демократия.

¹ Генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, кандидат исторических наук.

От идеи к доктрине. Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, помощник Президента России Владислав Сурков, инициировал дискуссию о национальных приоритетах (весна 2005 года), а затем выступил с основными положениями суверенной демократии перед активом «Единой России» (февраль 2006 года). Распространение этих идей в среде экспертного сообщества и политической элиты произошло очень быстро. В формировании собственно доктрины «суверенной демократии» приняли участие ведущие политологи России: Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Валерий Фадеев, Виталий Третьяков, Андраник Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский. Каждый из них высказал собственное понимание ее базовых положений, и это стало одной из причин системного характера новой доктрины.

К лету 2006 года вокруг суверенной демократии консолидировалась большая часть политического класса. Дискуссию поддержал Президент России Владимир Путин. А в сентябре «Единая Россия», ведущая политическая партия страны, провозгласила в своем программном заявлении «стратегию качественного обновления страны как суверенной демократии».

Доктрину суверенной демократии быстро восприняли на Западе. Россия навязала «Большой восьмерке» свою повестку дня, а Владимир Путин выступил на саммите как основ-

ной ньюсмейкер. Можно спорить о деталях, но саммит стал свидетельством международного признания новой идентичности нашей страны, описываемой именно формулой «суверенная демократия». Как отмечала Los Angeles Times, «Вашингтон должен смириться с тем, что нынешний Кремль будет энергично отстаивать национальные интересы России и не станет уклоняться от конкуренции с Западом в борьбе за политические и экономические преимущества».

Суверенная демократия ясно прочитана (и понята!) на Западе как стратегия последовательной, комплексной и жесткой защиты национальных интересов при сохранении открытости страны, демократических институтов и рыночных механизмов российского образца. И не беда, если Джордж Буш считает, что суверенной демократии не бывает, а Дик Чейни предлагает собственную трактовку этого термина. Полагаю, это лучшее свидетельство живучести и органичности созданных по инициативе Кремля конструкций.

Суверенная демократия – не калька с sovereign democracy, а авторский проект. Формула sovereign democracy была создана американской политологией и пропагандой в период противостояния Запада с Советским Союзом. Однако определение sovereign означало в ней «независимая», а еще точнее – «независимая от СССР». Дик Чейни, обращаясь к лидерам восточноевропейских стран в Вильнюсе, говорил о «сообществе суверенных демократий» именно в этом смысле, только СССР в качестве виртуальной «импе-

рии зла» сменила Россия. Некоторые эксперты считают, что термин был рожден на Тайване, который искал собственную, отличную от Китая, идентичность.

Примечательно, что sovereign democracy долгое время была обречена на забвение. Вице-президент США, известный мифотворец, вспомнил о ней лишь спустя несколько месяцев после обнародования российской концепции суверенной демократии (октябрь 2005 года).

«Наша российская модель демократии называется суверенной демократией», – заявил Владислав Сурков. Ее антипод – «управляемая демократия», «навязываемая некоторыми центрами глобального влияния... шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов». Уже в силу этого суверенная демократия, транслируемая Кремлем, принципиально отличается от sovereign democracy, разработанной в «вашингтонском обкоме».

Понятие суверенной демократии вытекает из логики Конституции. Конституция определяет Россию как «суверенное демократическое государство». Как удачно выразился председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, «суверенитет у нас демократический, а демократия – суверенная». И в самом деле, суверенитет и демократия неотделимы. Гармоничное развитие национальных демократических институтов гарантирует суверену – народу России – свободу в принятии глобальных решений. А совре-

менные атрибуты суверенитета (прежде всего конкурентоспособность и обороноспособность), в свою очередь, гарантируют, что демократические институты будут развиваться без корректирующего вмешательства извне.

Немногие страны обладают сегодня полным суверенитетом, но Россия – всегда в их числе. Появившиеся в связи с саммитом «Большой восьмерки» размышления о США как последнем суверене оказались не слишком состоятельными. Президент Джордж Буш ввел в политологический оборот оригинальный конструкт «демократия как везде», однако он оказался бессодержательным сам по себе, а кроме того, стал неудачной реакцией на российскую доктрину суверенной демократии. Универсальные (а особенно «привозные») модели демократии не пользуются спросом – смех журналистов после заявления Владимира Путина о неприемлемости демократии, «как в Ираке», был весьма показательной реакцией. Споры о пределах и моделях суверенитета продолжаются в среде американской элиты до сих пор, и они явно способствуют укреплению реального суверенитета России. Для России сегодня не приемлем никакой мировой порядок, в котором она не влияла бы на принятие стратегических решений, не была «в совете директоров».

Суверенитет – политический синоним конкурентоспособности. СССР был одним из отцов глобализации, но сегодня выгоды этого процесса распределяются весьма неравномерно – и вряд ли в пользу России. Достижение кон-

курентоспособности абсолютно необходимо, но этот процесс займет годы и десятилетия. Как отмечали многие участники летнего бизнес-форума «Экономика суверенной демократии», ставка государства на крупнейшие корпорации сырьевого сектора и металлургии, а также суверенный контроль над топливно-энергетическим комплексом и стратегическими коммуникациями способны гарантировать «политическую рамку» достижения национальной конкурентоспособности.

Глобальная энергетическая безопасность – гарантия нашего суверенитета. Россия отнюдь не стремится к имперскому доминированию на мировых сырьевых рынках. Национальные интересы страны в сфере энергетики заключаются прежде всего в стабильности отношений с потребителями нашей продукции и справедливых ценах. Но – не только. Как справедливо отмечает Владимир Путин, Россия очень жестко ориентирована сегодня в поставках энергоносителей на европейский рынок. Диверсификация поставок с помощью таких проектов, как нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан, способна существенно снизить зависимость страны от традиционных потребителей сырья. А Североевропейский газопровод естественным образом снимает проблему транзита газа через ряд стран Восточной Европы. Однако надо ясно осознавать: цель российской политики в области энергетической безопасности – не превращение населения в «отряд по охране трубы», не консервирование

сложившейся структуры экономики, а приток инвестиций в обрабатывающие отрасли, развитие высоких технологий и стимулирование инновационной активности. Через два десятилетия экономическая модель должна стать качественно иной – инновационной. Другого выхода нет.

Ограничение национального суверенитета сетевым управлением и транснациональными корпорациями противоречит логике Вестфальской системы 1648 года и разрушает действующую систему Ялты – Потсдама – Хельсинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.